

отработаны вопросы стратегических перегруппировок войск на территорию Латвии («Сейбр Страйк»), оборудованы порты и аэродромы, железнодорожная и шоссейная инфраструктура, построены дороги в балтийских дюнах. Также прошли командно-штабное учение «Балтик Хост – 2011», серии учений на территории Польши и с 19 по 23 сентября – КШУ объединенного командования вооруженных сил Польши «Есен-2011» по отработке вопросов принятия решения на оборонительную операцию а также видовые учения ВВС и ВМС Польши «Оржел» и «Тиранья». С другой – Россия и Беларусь провели свои военные испытания техники и учения, как «Щит Союза – 2011» в глубине территории Российской Федерации на полигонах Гороховец и Ашулук.

ЕС признает, что как вооруженным силам, так и службам безопасности потребуется дополнительный потенциал для разведки и нового оружия и снаряжения, так же, как и гораздо более высокая степень сотрудничества и подготовки для выполнения этих новых задач. Министерства внутренних дел и другие агентства, занятые безопасностью, возможно, теперь должны быть готовы открыть двери внешней помощи в той мере, в какой они не были к этому готовы прежде. Концепция, связанная с альянсом инфраструктуры, должна подвергнуться изменениям. Вопрос, стоящий перед странами-членами как НАТО, так и ЕС, – это проблема адаптации не только своих национальных организаций с тем, чтобы они противостояли этим новым вызовам, но также и вопрос адаптации самой НАТО и построения ОВПБ ЕС так, чтобы они оставались (или стали) способны бороться с новыми угрозами безопасности.

1. Treaty of economic, social and cultural collaboration and collective self- defence. Brussels, 17 March 1948 // www.weu.int/eng/docu/d480317a.htm

2. Modified Brussels Treaty. Protocol modifying and completing the Brussels Treaty. Paris, 23 October 1954 // www.weu.int/eng/docu/d541023b.htm

3. Rehal J., Weisserth H.-B. The Common security and defence policy of the European Union. – Vienna. – 2010. – 138 p.

4. Амстердамский договор. Ст. 18, абз. 3; ст. 26. – М., 1998

5. Европейская политика в области безопасности и обороны // <http://www.mod.gov.ee/ru/csdp>

6. Европа поверила в реальность угроз террористов // Новости телеканала РБК. 19.03.2004.

7. Крис Доннелли. Меняющаяся природа конфликтов. Европейская безопасность: новые вызовы и новые ответы // <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/don.html>

В статье проанализирован вопрос о становлении и развитии европейской политики безопасности и обороны в контексте современных тенденций угроз безопасности. Цель ЕС в управлении кризисами – предотвращение конфликтов, обеспечение мира и усиление международной безопасности. И единая политика в области безопасности и обороны направлена на обеспечение Союза способностью к оперативным действиям с использованием для этой цели как гражданских, так и военных средств стран-членов.

The paper analyzed the question of the formation and development of European Security and Defence Policy in the context of contemporary trends in security threats. The aim of the European Union in crisis management – conflict prevention, peace and strengthening international security. And a common policy on security and defense of the Union aims to ensure the ability to prompt action to use for this purpose, both civilian and military means of Members.

М. А. Иржанов

СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОЦЕСС СБЛИЖЕНИЯ

Проблемы безопасности в современных международных отношениях стоят на повестке дня как глобальных, так и региональных организаций. Одной из таких организаций является Североатлантический договор (НАТО).

В экспертном сообществе широко обсуждаются вопросы, связанные с обеспечением безопасности в евроатлантическом сообществе. Новое время принесло с собой новые проблемы, для решения которых традиционные организации

оказались не совсем эффективными. НАТО как трансатлантический институт является именно той организацией, которая стремится стать основным гарантом стабильности как в Европе, так и в Северной Америке.

Но при этом возникает вопрос: Североатлантический альянс и ОВПБ – это две взаимодополняющие или конкурирующие структуры?

Европейский союз (ЕС) и Организация Североатлантического договора (НАТО) являются глав-

ными акторами в сфере европейской безопасности, эффективность которой во многом определяется балансом отношений этих двух организаций.

В период создания основная цель Североатлантического блока состояла в том, чтобы сцепить экономику, политику, вопросы безопасности некогда враждующих государств и сделать их политические системы взаимодополняющими настолько, чтобы воевать между собой стало репродуктивным для их национальных интересов, а существующие разногласия, возможно, решать политическими и экономическими средствами [1].

Следует признать, что данная организация развивалась и развивается достаточно успешно. Одно из доказательств – все большее число ЦВЕ хотят присоединиться к Североатлантическому союзу.

НАТО и ОБСЕ. Однако доминирование НАТО в Евроатлантической зоне воспринимается некоторыми западноевропейскими государствами настороженно. Ряд государств ЕС хотят вести независимо от трансатлантического блока собственную политику в области безопасности. Формирование развития европейской политики в области безопасности и обороны выявляет степень сближения интересов европейских государств. Германия, Франция и Великобритания проявляли больше европеизма в своей внешней политике. Германское правительство поддержало эту инициативу об общей политике безопасности и обороны, которая позволила бы Союзу, не обращаясь за помощью к альянсу, быстро реагировать на возникающие на территории Европы кризисы [2].

Существует, однако, более серьезная и острая проблема. В настоящий период практически все государства придают своей внутренней политике первостепенное значение и, исходя из внутренних задач, планируют действия на международной арене, в том числе в рамках союзов. Иными словами, в странах ЕС общая внешнеполитическая и стратегическая ориентация находится в стадии формирования. А без единой стратегии и адекватного бюджетного финансирования невозможно выработать и общую европейскую политику в сфере безопасности и обороны. Следовательно, жизненно необходимы: как выработка единого стратегического курса политическими лидерами Евросоюза, так и формирование новой политической культуры в области безопасности; выполнение ранее принятых на себя обязательств; рациональное использование средств, выделяемых на военные нужды; реорганизация вооруженных сил в плане придания им большей гибкости и мобильности. И это далеко не полный перечень задач,

стоящих перед ЕС при разработке единой политики в области безопасности и обороны [3].

События в Косово поставили европейские правительства перед фактом их военной несостоятельности в деле урегулирования региональных кризисов даже в тех случаях, когда кризис возникает в непосредственной географической близости от их границ. В результате факт военных возможностей европейских членов НАТО стал очевиден и привел к пересмотру сотрудничества в области обороны не с целью ослабить НАТО, а с целью создания военных механизмов ЕС, способных подкрепить имеющиеся дипломатические средства.

Идея совместной обороны европейских государств независимо от членства в Евросоюзе получила дальнейшее развитие на саммитах ЕС в Кёльне и Хельсинки в 1999 г., где была поставлена задача создания Европейского корпуса сил быстрого реагирования в 60 тысяч, который может быть сформирован в течение двух месяцев для действий на протяжении двух лет. Этот эквивалент армейского корпуса должен иметь необходимые воздушные и морские силы. Для достижения эффективности действий потребуются сократить дефицит в области командования и контроля, разведки и транспортировки. Эффективные действия Европейского корпуса будут обеспечены Европейским Командованием Воздушного Транспорта, созданным по предложению Германии и одобренным франко-германским саммитом, проходившем 30 ноября 1999 г. Ответственность за реализацию задач военного строительства лежит на министрах иностранных дел и обороны стран ЕС. Конференция в Брюсселе (2000 г.) и саммит ЕС в Ницце (2000 г.), где пятнадцать государствами-членами было принято решение о создании Сил Быстрого Реагирования и постоянных военно-политических структур для управления кризисами, стали кульминацией первого раунда процесса создания системы защиты и обороны, начатого в рамках ЕС. Этот процесс отличали прагматизм (стороны пытались договориться и найти единое мнение); эффективность (решались конкретные потребности и вопросы институционализации); солидарность (договоренности, достигнутые на саммитах в Кёльне, Санта Мария де Фиерра и Ницце носили характер коллективной подготовки и коллективной договоренности) [2, с.21].

Успешный первый раунд развития оборонной политики должен гарантировать Европейскому Союзу обладание политико-военной структурой, которая позволит независимо действовать при кризисных ситуациях в Европе и задействовать

силы быстрого реагирования. Эти достижения стали возможны благодаря качественным изменениям, происходящим в рамках Евросоюза, когда государства-члены проводят общую политику по широкому кругу проблем, включающих и вопросы обороны от стратегического планирования до создания оборонной индустрии. Амстердамское соглашение и последовавшие за ним решения, принятые в Кёльне, Хельсинки и Ницце, по развитию общей оборонной политики имеют своей целью как дальнейшую политическую интеграцию в рамках ЕС, так и поддержание международной безопасности. При условии выполнения поставленных задач Европейский Союз будет иметь возможность вести самостоятельную политику как по вопросам гражданского, так и военного характера.

Но американские эксперты считают, что политика ОВПБ не решает важнейших вопросов, стоявших на повестке дня отношений США – ЕС. ОВПБ и его стратегию эти авторы характеризуют как «неопределенную» и «не имеющую реального политического влияния даже на решение вызовов второго разряда».

ОВПБ имеет свои операционные и концептуальные проблемы. Как отмечают американские исследователи, Евросоюз не способен ни четко сформулировать свою политику, ни осуществить ее на практике. Основную причину этого они видят в процедурных и институциональных трудностях, которые мешают ЕС результативно действовать в условиях участвовавших кризисов в Европе. Конечно, для более объективной оценки, необходимо упомянуть и об успехах ОВПБ. Например, ЕС внес вклад в крушение апартеида в Южной Африке. Более того, следует заметить, что ЕС не единственная международная организация, страдающая от медленного принятия решений. Внешняя политика любого международного актора имеет больше нейтрализующий (реактивный), чем прогрессивный характер.

Проблема ОВПБ заключается не только в недостатке политических инструментов, но и в большей степени в трудности достижения согласия и в процессе принятия коллективного решения; не столько в несовпадении национальных интересов, сколько в слабой легитимности внешней политики ЕС. И все же, несмотря на сложности достижения консенсуса для государств-членов, институты ЕС становятся местом обсуждения и разрешения внутрирегиональных и глобальных проблем [4].

Европейский Союз создает свою собственную среду сателлитов, центров разведыватель-

ной деятельности, свой собственный военный штаб и стремится самостоятельно рассматривать возможность проведения операций внутри и вне НАТО. Однако вопрос о параметрах взаимоотношений и взаимодействия в рамках Североатлантического альянса и формирующихся институтов Европейского союза остается открытым [2, с. 45].

Можно предположить, что общая оборонная политика усилит ОВПБ, дав положительный толчок для ее развития. Например, в случае развития независимых военных возможностей ЕС будет сложно ожидать американского лидерства в условиях кризиса. Перед саммитом в Ницце государства-члены предложили сделать военные вклады, что позволило Союзу обсудить первоначальные обязательства на встрече Европейского Совета в Хельсинки, где были обсуждены политические и военные структуры ОЕПБО, вопросы об управлении гражданскими аспектами кризиса и разработаны консультации и процедуры сотрудничества как с государствами-членами, так и не членами НАТО.

Действия Союза породили в политических кругах Европы ожидание положительных результатов в области оборонного сотрудничества по причине неудачи сотрудничества в области дипломатии. Но американские эксперты ставят под вопрос возможность достижения требуемого политического согласия в рамках ОЕПБО, если это сложно сделать в рамках ОВПБ. По мнению И. Лутвака, в вопросах мира и безопасности в отношениях с США европейские государства по-разному интерпретируют положения Хельсинских решений. Автор отмечает, что «французское прочтение проекта отличается от британского, нидерландского и шведского. Позиция Великобритании несколько приуменьшала подогреваемые Францией амбиции Европы в вопросе отказа от американского лидерства в НАТО. Правительство Нидерландов, вначале открыто выступавшее против общей оборонной политики, опасаясь ее негативного влияния на отношения в рамках альянса, изменило свою позицию во имя сохранения европейского единства. Даже реакция нейтральных стран не была полностью нейтральной. Так, Финляндия однозначно поддержала ЕПБО, а позиция Швеции была более двойственной» [5]. У американских исследователей также возникает целый ряд вопросов относительно средних и долгосрочных целей Евросоюза в области обороны, в частности эффективности сил быстрого реагирования и неготовности создания европейской армии, предложение о которой было отклонено и в Хельсинки, и в Ницце.

При этом следует отметить, что восприятие значимости военной составляющей альянса и поддержания ее эффективности в военной сфере далеко не во всех странах-участницах и странах-партнерах является одинаковым. Кроме того, часть союзников выражает озабоченность по поводу того, что страны-кандидаты смогут выполнить военные и политические условия присоединения к альянсу. Позиции США и Европы можно показать таким образом: Вашингтон выступает за углубление интеграции в рамках НАТО путем усиления военных возможностей, а страны Старого Света – за укрепление основ так называемой «европейской обороны».

«Новая и Старая Европа» о НАТО. Семь лет назад, в начале 2003 г., накануне иракской войны министр обороны США Д. Рамсфелд ввёл в политический обиход понятия «старой» и «новой» Европы [6]. Именно в «новую» Европу, под которой подразумеваются бывшие коммунистические страны и в лояльности которой, в отличие от «старой», Вашингтон не сомневается, перемещается, по словам бывшего главы Пентагона, центр тяжести НАТО. Конечно, война в Ираке представляла собой исключительную ситуацию для атлантического сообщества, и после неё США предприняли энергичные усилия для того, чтобы заделать образовавшиеся в нём трещины, перестать, во всяком случае, открыто противопоставлять страны НАТО по географическому признаку и по критерию их преданности Вашингтону.

В то же время политический ресурс, сосредоточенный в Центрально- и Восточноевропейском регионе, по-прежнему важен для США в их планах переустройства Европы и Евразии. Страны бывшего коммунистического блока приобретают для Вашингтона немалое значение в проводимой США перестройке союзнических приоритетов, которая предполагает преимущественную ставку на создание коалиций для выполнения той или иной операции. Конфронтационная по отношению к России направленность внешнеполитической философии правящей элиты большинства стран Восточной Европы активно используется нынешней вашингтонской администрацией для реализации концепции «распространения демократии» и превращения всего региона (включая постсоветские страны) в «единое пространство демократии». Именно в период пребывания у власти администрации Буша фактически стёрлась грань между понятиями «Центральная Европа» (бывшие социалистические страны – союзники СССР по Варшавскому договору) и «Восточная Европа» (бывшие европейские республики

СССР), которая хотя бы негласно соблюдалась в первое десятилетие после окончания «холодной войны». Время, когда Белый дом прислушивался к рекомендациям и предостережениям специалистов, призывавших устанавливать некие ограничительные линии для американской экспансии и учитывать геополитические интересы России в соседних с ней регионах Европы и Евразии, похоже, осталось в прошлом.

Само существование «новой» Европы остаётся противовесом тем отрицательным, с точки зрения США, явлениям в трансатлантическом сообществе, которые традиционно ассоциировались со «старой» Европой – стремлению выдвигать на первое место европейские, а не атлантические приоритеты, манипулировать антиамериканскими настроениями во внутривнутриполитических целях, ставить под сомнение ту трактовку угроз безопасности Запада, которая идёт из Вашингтона. Нежелание ключевых западноевропейских стран давать отпор «неприемлемым» действиям Москвы – одна из причин, по которым США по-прежнему нуждаются в восточноевропейском контрбалансе «старой» Европе.

«Новая восточноевропейская повестка дня», необходимость обогатить новыми достижениями опыт расширения НАТО, полученный в 1990-е годы, мыслятся многими американскими экспертами как необходимое условие возрождения евроатлантического сообщества, которое оказалось под ударом в результате иракской войны, а также из-за отсутствия реальных успехов альянса в Афганистане.

Речь вице-президента США Р. Чейни в Вильнюсе в мае 2006 г., где он изложил негативное восприятие внутренней и внешней политики Москвы, была абсолютно логичной именно перед восточноевропейской аудиторией, настроенной по отношению к России наиболее конфронтационно. В этом выступлении он заявил: «Молодые демократии нашего великого альянса обновили его, привнесли энергию, мудрость и моральную чистоту в европейские структуры. Для них опыт тирании реален и свеж. Так что они понимают необходимость сохранять бдительность, осознают свой долг называть зло своим именем». Это выступление стало одним из показателей того, что влияние восточноевропейского лобби на американскую внешнюю политику и на позицию экспертного сообщества заметно возросло после крушения «восточного блока». Парадоксально, что в этой проамериканской ориентации новых членов НАТО и ЕС свой плюс пытаются найти даже некоторые круги в Евросоюзе, хотя такая

ориентация далеко не всегда совместима с долгосрочными приоритетами европейской интеграции и зачастую негативно влияет на дееспособность ЕС [6, с. 50].

Новые государства-члены полностью осознают необходимость тесных трансатлантических связей и одновременно эмансипируются именно как европейские страны. Таким образом, возникает в целом сбалансированная, прагматичная политика, которая идет на пользу обеим сторонам. Очевидно, нежелание Евросоюза вслух признавать, что, поспешно приняв в свои ряды все страны бывшего социалистического лагеря (в том числе даже такие слабо подготовленные, как Румыния и Болгария), он сознательно снизил собственные критерии. Правда, другого от ЕС трудно ожидать, ведь для него ЦВЕ – это регион, который призван стать органичной частью объединяющейся Европы, а не просто новой сферой влияния США. Поэтому Евросоюз не мог допустить, чтобы государства, уже принятые в НАТО, на длительный период оставались за пределами интегрирующейся Европы.

«Старая» Европа действительно отражает принципиальные изменения в американском геополитическом мышлении, которое нацелено на глобальное управление и структуризацию под американской эгидой куда более широкого региона. «Укрепление с помощью трансатлантического партнерства американского плацдарма на Евразийском континенте» нужно Вашингтону не для обороны западной части континента от угрозы с Востока, а для того, чтобы «растущая Европа» стала для США «реальным трамплином продвижения в Евразию». Так было сформулировано З. Бжезинским, но Европу это почему-то не насторожило [7].

В структурном переделе мира обнажилась и суть самой «идеологии глобализма» и методы ее достижения. Ее воплощение приводит среди прочего к устранению всех великих культурных и национальных традиций человечества, без которых страны и цивилизации превращаются из субъекта в объект политики, утрачивают историческую инициативу. Ценность исторического наследия перестает играть роль по сравнению с технократической целесообразностью.

Для носителей проекта глобального управления важнее «новая» Европа – не ее, конечно, мнение, которое никто не спрашивает, а ее расположение в сплошной меридиональной зоне от Балтики до Черного моря. Эта зона – стратегический подступ к протянувшемуся в широтном направлении «евразийскому геополитическому и

энергетическому эллипсу», северная кривая которого проходит по линии Средиземное море – Пропливы – Черное море – Закавказье – Прикаспийский – российская Средняя Азия – Афганистан, а южная кривая возвращается от Афганистана по линии Пакистан – Иран – Ирак – Турция – Израиль. Контроль над этим регионом дает положение господина мира, причем не потому, что обеспечивает его дешевыми ресурсами, а потому, что делает его единственным распределителем этих ресурсов для других, лишая их потенциального превращения в противовес [6, с. 56].

Этот проект грозит Европе окончательно зависимым от Вашингтона положением и непредсказуемыми осложнениями с не западным миром. Однако способна ли Европа к выдвижению альтернативного проекта, есть ли у нее для этого силы [6, с. 59].

Каждая из стран Центральной и Восточной Европы стремится сохранить эффективность и солидарность НАТО и поддерживать общее планирование и осуществление. Следовательно, они подчеркивают неделимость НАТО и ЕС в их ролях в сфере безопасности. Они также хотят быть последовательными в их политике, чтобы поддерживать правдоподобие в международной арене. По их перспективным взглядам, без сильной трансатлантической связи европейское единство сильно ослабело, так же, как трансатлантические отношения дали трещину с раздробленной и слабой ЕС. Прежде всего, новые члены из ЦВЕ ищут более сильную и более объединенную Европу, которая дополняет НАТО и Соединенные Штаты и не конкурируют или подрывают трансатлантические отношения в противостоянии международным вызовам безопасности. Как члены и НАТО, и ЕС, они хотят конструктивно участвовать в процессе принятия решения по жизненно-важным стратегическим проблемам в обоих учреждениях [8].

Безопасность во всех смыслах этого слова является для трансатлантического пространства на данном этапе самым главным приоритетом. Судьбы «старых» и «новых» европейских демократий взаимосвязаны. Их безопасность и системы обороны также взаимосвязаны. Именно Североатлантический альянс предоставляет гарантии устойчивости и неделимости системы оперативной безопасности как в Европе, так и в странах Северной Америки. В эпоху новых угроз и рисков трансатлантический блок остается выразителем стратегического единства союзников в деле коллективной безопасности и обороны против вызовов, направленных на размывание западного образа жизни, устойчивости существующих

международных экономических и финансовых институтов и глобализирующихся рынков [9]. НАТО все еще воспринимается как самый важный гарант европейской безопасности. В большинстве стран Европы НАТО рассматривается как всемирный, самый эффективный военный и политический союз.

1. Татьяна Глебовна Пархалина – директор Центра европейской безопасности. (Печатная версия МИР ПЕРЕ-МЕН. – №3. 2005. С. 73-80.) <http://www.europeansecurity.ru/publ/2006.asp>

2. Морозов П. История ЕС. – С. 1-87. http://www.portalus.ru/modules/politics/rus_readme.php?subaction=showcomments&id=1142038015&archive=&start_from=&ucat=2&category=2

3. Алексеев А.Н. Совет Североатлантического сотрудничества и будущее Европы.

4. Blackwill R. The US, Europe and the new security threats. N.Y.: Council on Foreign Relations, 1998. – 28 p.

5. Lutwak E. Why we need an incoherent foreign policy // Washington Quarterly, Summer 1999. – Vol. 21. – №111. – P. 21-31.

6. Нарочицкая Н. Европа «старая» и Европа «новая» // Международная жизнь. – 2003. – №4. – С. 45-63.

7. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Превосходство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения. 1998. – 256 с.

8. Куглер Р. Подготовка НАТО к отражению новых угроз // Внешняя политика США. Электронный журнал госдепартамента США. – Март. – 2002. – С. 31-34.

9. Денис Мельянецев. Отношения ЕС и НАТО в 1990 – 2000-е годы.

In this article author analyzes that the creation of NATO and European security policy is cooperation or competition. And come to conclusion that NATO is still perceived as the most important guarantor of European security.

Мақаланың авторы бүгінгі таңдағы жалпы күллі әлемді дүрліктіріп отырған жаһандық қауіпсіздік мәселесіне тоқталып отыр. Мақаланы қорыта келе автор қазіргі таңда әлемдік аренада ынтымақтастықты арттырып, қауіпсіздік мәселесінің бірден-бір жолын табатын ұйым ол – НАТО.

Ж. Қ. Идрышева, Ж. Бекетан

ҚЫТАЙ МЕН РЕСЕЙ АРАСЫНДАҒЫ ЭНЕРГЕТИКАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚТЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН БОЛАШАҒЫ

Энергетика геосаясаттың бір санаты болып табылады және бүгінгі таңда энергетикалық ресурстар мемлекет экономикасының алдыңғы қатарын иеленеді. Әрбір мемлекеттің өндірістік күштерінің даму деңгейі белгілі бір дәрежеде энергетикалық ресурстарды тұтыну көлемімен анықталады. Әлемдегі маңызды кендердің 70%-дан астамы энергия көздеріне жататындығы энергетикалық ресурстардың маңызды рөлге ие екендігін көрсетеді.

XXI ғасырдың басында әлемдік энергетика құрылымында оң өзгерістер белең алды. Энергетикалық ынтымақтастықты екіжақты және көпжақты бағытта дамыту әлемдік экономикалық державалардың саясатының бөлінбес бөлігіне айналды. Қазіргі таңда көптеген жобалар құрылып, келіссөздер қабылдануда, сонымен қатар әлем елдері арасында қуат көздерінің кең көлемдегі сауда айналымы жүзеге асырылып жатыр.

Ғаламдық дәрежедегі мәселелерді зерттеу жұмыстарында «энергетикалық қауіпсіздік», «энергетикалық тұрақтылық» және «энергетикалық әлем үлгісі» сынды терминдер көптеп кездеседі. Бұл терминдер елдегі энергетикалық

ресурстардың жетіспеушілігін жою, сонымен қатар энергетикалық қуат көздеріне қол жетпеушілік немесе сапасыз шикізат көздерін тұтыну қаупін білдіреді.

Ресейлік В.И. Анненков, Н.М. Лахтовский секілді зерттеушілер энергетикалық қауіпсіздік деп елдің, қоғам мен мемлекеттің, экономиканың энергетикалық қуат көздерінің жетіспеу қаупінен қорғану жағдайын айтады [1].

Қазіргі таңда экономикасы жылдам қарқынмен дамып жатқан және әлемдегі ең кең көлемді нарығы бар Қытай әлемдік энергетикалық саясаттың маңызды ойыншысына айналууда. Энергетикалық ресурстарды тұтынудың жоғары динамикасы Қытай Халық Республикасы (ҚХР) басшылығын энергетикалық қауіпсіздікті сақтау мен елдің тұрақтылығын қамтамасыз ету үшін энергетикалық стратегияны толығымен қалыптастыруға мәжбүрлеп отыр. XX ғасырдың соңғы ширегі мен XXI ғасырдың басында Қытай экономикасы бірнеше есеге өсті. Экономикалық әлеуеті бойынша Қытай Халық Республикасы (ҚХР) жалпы ішкі өнімі (ЖІӨ) ең ірі деген 5 мемлекеттің қатарына кіріп, екінші орынды